

Виктор Лензон

В городе Кагановиче

Разные истории

Виктор Лензон
В городе Кагановиче.
Разные истории

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27098161
ISBN 9785448589683*

Аннотация

Книга объединяет рассказы-истории, написанные от первого лица. Эти «истории» весьма разнообразны по тематике и охватывают различные стороны и сферы жизни. Объединяет их лишь присутствие автора, путешествующего по кастам, судьбам и географическим объектам.

Содержание

Вместо предисловия	5
Дачные истории	6
Ёлка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

В городе Кагановиче Разные истории

Виктор Лензон

© Виктор Лензон, 2018

ISBN 978-5-4485-8968-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

По убеждению автора, по-настоящему интересно только то, что было на самом деле. Ни один драматург в своей фантазии не сравнится с тем, что, порой, «выдумывает» сама жизнь. Наверное, поэтому большинство рассказов написаны в жанре «Истории». Истории очень разные – о путешествиях, о детстве, о жизни вокруг, о гастролях, об искусстве, о великих, о педагогах, истории об истории и, конечно, истории о любви. Единственное, что делает все эти истории литературой – это «взгляд режиссёра на материал», та тональность, в которой переживал их содержание их главный персонаж – сам автор.

Дачные истории

*«Есть то, чего нигде нельзя найти, но всё же
есть место, где это можно отыскать»*

Хасидская мудрость.

– А что карась? Вот у моей тёщи кошка была. Так карася не ест – только ледяную ей подавай, ... его знает.

Два рыбака неспешно беседовали, коротая время между поклёвками.

Солнце токо-токо встало. Было без пятнадцати семь, конец августа, и луна, изрядно побледнев и осунувшись, ещё отражалась в сине-прохладной воде, путаясь с новым солнцем в белых кучерявых облаках. Клевало не особенно – так, мальки дразнили поплавок, рыба где-то плескалась, да не там, где надо. Ново-Харитоньевское озеро со странным названием «Новый Бам», возникшее от запруды реки Дорки, в этот момент больше располагало к созерцанию подмосковных красот, чем ловле карасей с бычками. А созерцать было что. При полной тишине воздуха вода становилась чистейшим зеркалом, в котором отражался, удваиваясь в перевёртыше, весь вертикальный мир – ивы, берег, небо с шеренгами белых париков, окрестные постройки, неподвижно дремлющие над гладью удочки. И даже чёрные утки-поганки становились двуглавыми, смотрясь в не жадную на отражения

воду.

Так случилось, что озеро расположилось между двумя церквями, носящими одно и то же имя Георгия Победоносца – старообрядческой, стоящей на Егорьевском шоссе, и канонической православной, что на горке, недалеко от станции Игнатьево. Получилось даже как-то символично: мол, направления веры разные, а озеро одно. Или наоборот – водораздел, поди – попробуй переплыви. Правда, пейзаж отражения портила труба, не имевшая к русскому христианству никакого отношения. Зато она недвусмысленно напоминала о том, что ты находишься в гжельских краях, в непосредственной близости к производству знаменитого фарфора.

Само происхождение слова «гжель» затерялось где-то меж балтийских гидронимов. В левобережье верхнего Приднепровья спокойно течёт себе речка Агжелка, а неподалёку – Гжать. Какие-то до-славянские люди называли так речки, и в честь чего – сегодня уже толком не узнать. Зато у подмосковной Гжели есть своя собственная история. Впервые Гжель упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты. После Калиты она принадлежала его сыну Ивану Красному, за ним – Дмитрию Донскому, ещё позже – сыну Донского Василию 1, потом вдове Василия Софье Витовне. Одним из владельцев Гжели был внук Дмитрия Донского Василий Васильевич. В 1426 г., когда была в Москве эпидемия чумы и «мор был велик в городах русских» он укрывался тут, в гжельских лесах, «от поганой заразы».

«Гжель, а во Гжели дворцовое село Гжель», как она названа в писцовых книгах 1519 года, позже, уже в правление Ивана Грозного стала обозначаться как «государева дворцовая волость», т.е. собственность царского двора.

Когда-то до этих мест, расположенных меж двух подмосковных речек, протекающих по западному краю Мещерской низменности, Гжелки и Дорки, простиралась подмосковная тайга, следы которой ещё остались в окрестных, местами почти диких лесах. На заре русской цивилизации поселений тут было не много, а занимались почти исключительно охотой и бортничеством. Позднее крестьян обременили обычными для тех времён повинностями. Дворцовая контора получала с них в год «62 рубля денежных доходов и 14 рублей ямских и полонянничных денег». Крестьяне должны были поставлять для двора 153 четверти ржи и 228 четвертей овса, 22 барана, 22 «сыра с полсыром», 1400 яиц, 235 гусей, «четверть с осьминой» орехов, 45 возов сена...

Так продолжалось до тех пор, пока не обнаружили в тех местах уникальные белые глины. В 1663 году царь Алексей Михайлович издал указ «...во Гжельской волости для аптекарских и алхимических сосудов приискать глины, которая годица к аптекарским сосудам». К аптекарским сосудам глина явно сгодилась, и Гжель постепенно стала приобретать свою керамическую славу.

В 1744 г. сюда вместе с владельцем керамического завода в Москве Афанасием Гребенщиковым приезжает со-

здатель русского фарфора Дмитрий Виноградов, познакомивший впоследствии с уникальными гжельскими глинами М.В.Ломоносова. Тот в свою очередь отозвался о них следующим образом: «...Едва ли есть земля самая частая и без примешания где на свете... разве между глинами, для фарфору употребляемыми, какова у нас гжельская или ещё исетская, которой нигде не видел я белизною превосходнее».

И началось... Производство гжельского фарфора пошло в гору. К концу 1770-х годов было уже пять заводов, не считая многочисленных кустарных мастерских. Владелец одного из них, С. Афанасьев удостоился чести выполнить придворный заказ на посуду, и посуда эта была названа «... на фасон заморских самолутчей доброты». Как водится, спрос рождает предложение, и в Гжели появились не только выдающиеся мастера – Никифор Гусятников, Иван Срослей, Иван Кокун, но и умелые купцы-фабриканты. Один из них, старовер Яков Кузнецов, организовал в деревне Ново-Харитоново, которое и есть самый центр Гжели, новое производство, перешедшее впоследствии к его сыновьям – Терентию и Анисиму. А это, между прочим, те самые Кузнецовы, которые «кузнецовская посуда», впоследствии сменившая место жительства на Дулёво.

Как ни странно, о мастерах известно, всё-таки, меньше, чем об «организаторах производства». Особенно о тех, кто начал, пусть и кустарно, делать посуду в Гжели. Естественный ответ: конечно, местные жители! Так-то оно так, толь-

ко хорошо бы взглянуть на ассортимент и форму некоторых предметов. Среди квасников, ваз, столовой посуды и чисто русских фигурок одним из классических образцов Гжели и по сей день является кумган. А штука эта и по форме, и по названию не русская совсем.

Или вот прошлым летом приключилась со мной вот такая история.

В начале XIX века даже на фоне кузнецовского производства в Ново-Харитоново славился Кузьевский фарфоровый завод, точнее заводы Ермила Иванова и братьев Лаптевых. Был он хорошо известен и в конце века двадцатого. Кузьевские «штучки» всегда отличались формой, особой купеческой статью, ассортиментом и цветовой (преимущественно цветной) гаммой. Лет пять назад производство тут окончательно погибло. Некоторое время ещё оставался небольшой магазинчик на территории, но и он постепенно захирел. Так что от былого величия остались только ржавые ворота с надписью «Кузьево – сила forever». Ещё в Кузьево, помимо рядом расположенной одноимённой деревни в полном недоумении остался лишь Посёлок кузьевского фарфорового завода, да остановка автобуса, что заезжает сюда из Раменского по дороге в деревню Ариново.

Так вот, будучи в тех краях я всё-таки подошёл к проходной завода. На удивление, там сидела и закусывала тётка, продолжавшая что-то охранять. Как быстро выяснилось, охрана здесь была совершенно не при чём. Тётка распрода-

вала остатки кузьевского производства – пиалки, чайники, зодиакальные игрушки и другую ерунду. Спрашиваю: «Почём?»

– Что «по чём»?

– Пиалки

– Тебе какие, с цветочками или монголки?

– Монголки? Покажите.

Показывает. Действительно, пиалки бело-голубые, но с характерным бурято-монгольским арнаментом.

Спрашиваю, что ж это, кузьевский завод монгольскую посуду выпускал?

Ответ поразил своей потаённой логикой:

– А ты, случаем, не из евреев будешь?

Из евреев – не из евреев – вопрос другой. А вот откуда в Гжели монголки с кумганами?

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, я как-то разговорился с художницей, автором многих гжельских моделей. «Пришлые люди», сказала она. По устному преданию, гончарным промыслом в Гжели начали заниматься эти самые пришлые люди, упоминания о которых нет ни в каких официальных источниках. Кто они – потомки, половцев, кипчаков, хазар, западные татары? Неизвестно. Хотя известно, что кумган, например, и сегодня широко используется (для разных, в основном гигиенических целей) на исламском востоке.

Вот в таких фарфоровых заморочках из века продолжают

своё неспешное течение Гжелка с Доркой. Та, что дала название всему краю, берёт начало у деревни Кошерово.

В последнее время, правда, она вдруг приобрела нечистую и не нужную ей славу из-за названной в её честь водки. Хотя как посмотреть: в России сложилась добрая традиция называть водку только самыми дорогими сердцу хорошими словами – «Праздничная», «Флагман», «Столичная». «Путинка»... Так что с этого взгляда водка «Гжелка» – своего рода комплемент реке. С другой стороны, Гжелке и без водки было не плохо меж уютных берегов, туманов и заросших прибрежными растениями пойм.

Другая, Дорка, крутясь в лесной крапиве меж стрёмных кабаньих ям, иногда, прячась в кустах узким руслом, появляется по краю полей, в интимных местах покрываясь в начале лета зарослями жёлтых ирисов и кувшинок.

В своём верхнем течении Дорка стороной обходит сросшиеся деревни Коломино-Фрязино – ещё не так давно настоящие русские деревни с гусями, курами, индюками, избами, колодцами и прудом. В своё время, в начале XIX века, в этих тихих местах случились весьма примечательные и в высшей степени интересные события, о которых, как говорится, история умалчивает. Собственно, история сама по себе ничего не умалчивает. А вот учебники в школе, – да, есть у них такой грех. Как-то на конференции я услышал доклад «О компьютерной реставрации староверческой церкви в селе Коломино, разрушенной войсками Наполеона в октябре 1812 го-

да». Не понял... Это что, то самое Коломино в 60 км к востоку от Москвы, вокруг которого я хожу за грибами с раннего детства? А как же Михал Юрьич Лермонтов с его «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...»? Почему он ничего не написал о маршале Нее, который отправился далеко на восток от Москвы по Владимирскому тракту, по пути на короткое время заняв Бронницы и Богородск (Ногиск сегодня). Почему не сослался на приказ Кутузова князю Голицину, тогдашнему руководителю ополчения, не чинить препятствий Наполеону в его продвижении на Владимир? Почему в его поэме нет ни слова о роли местных староверов и отрядов народного партизана Герасима Курина в разгроме наполеоновских войск? И уж конечно, Лермонтов не знал, что от Богородска до деревни Коломино по прямой всего-то 15 километров, а до моей дачи – 17. Ну ладно, об этом следующий раз.

Все же, деревни Коломино и Фрязино примечательны не Наполеоном (пришёл-пожёл-ушёл-забыли), а тем, что там до конца девяностых располагался завод, изготавливавший детские фарфоровые игрушки. Этот завод при всей его залесной отдалённости и внешней неприметности на самом деле продолжал традицию, идущую ещё со второй половины восемнадцатого века, когда детские фарфоровые игрушки были едва ли не главной статьёй тогдашнего гжельского ассортимента: в год их выпускалось аж около ста тысяч.

Там и сейчас ко входу в бывший цех с трубой ведёт неизвестно кем высаживаемая аллея с бархотками и ноготками

по краям. Правда, кроме кучи битого фарфора ничто не напоминает о былой фарфоровой славе. Зброшенное помещение охраняет только ветер и гадюки с близлежащего болота.

Ещё ребёнком я столкнулся с довольно необычным применением этих игрушек. Дело в том, что Коломино-Фрязино связывает с железнодорожной станцией только одна дорога. Вначале она пересекает поле, потом тянется километра три сквозь лес, а потом опять выходит на открытое пространство. Так вот, лесная часть всегда была довольно сырая и низменная из-за протекающей сквозь лес Дорки. А кроме пеших, там ещё ездили на велосипедах, телегах и мотоциклах, в результате чего образовывались довольно глубокие и неприятные ямы с чёрной грязью. Эти ямы как раз и засыпали недоделанными некрашеными ещё мишками, белочками и лисичками. Их было так много, что создавалось впечатление, будто весь коломиновский завод только и работает для того, чтобы засыпать ненасытную дорогу.

У сельских дорог характер трудный, но интересный. Ведь что такое три километра по асфальту? Да ничего. От силы сорок минут пешком без всяких эмоций. Не то по природе. Вот по краям дороги поле, метров четыреста всего, а сколько на нём разных цветов, кабаньих пролежней, горок кротовых, меняющихся на жарком солнце запахов. Не поле, а сюжет целый. Раздолью кладёт предел лес со множеством микроклиматических зон внутри него. Метров сто светлых дубков и опятных в сезон берёз, а за ними, ближе к руслу ре-

ки, крапива выше головы, комары и ольха. За ольхой, уже после кое-как сложенного из бетонных плит и брёвен мостика через Дорку – заросли лесной черёмухи, переходящей в сосняк и широкие лесные поляны. На одной из таких полян возвышается здоровенный старый дуб, хорошо известный тем, что на нём от века располагается огромное шершнёвое гнездо. Вокруг дуба красиво – ранним летом там цветёт море «солдатиков», розовых фиалок, иван-да-марьи, медуницы и других наивных цветов. В этих местах, ближе к сумеркам, при желании можно увидеть лунь, ухающую в зарослях калины и лосих с лосятами, неожиданно и шумно срывающихся от вашего приближения.

От дуба, левее, лесная тропинка ведёт к источнику, оборудованному, как и водится, козырьком, иконкой и скамеечкой. А лесная дорога направляется дальше, туда, где неподалеку, правее, располагается «Стасова поляна», неожиданно низкое место метров где-то тридцать на сорок, вокруг которого в конце лета появляются крепкие черноголовики. Я никогда особо не интересовался названием места. Думал, мол, Стас этот схимник какой был или охотник. Есть же на речке Нерской место под названием «Могила охотника», вот и тут, может, что-то подобное.

Всё оказалось смешнее. Стас этот жив-здоров. Лет семидесяти с чем-то прихрамывающий мужик с большой седой бородой, живёт на дачах неподалёку, с тремя собаками. Когда-то, лет пятьдесят назад, он с того места перетаскал к се-

бе на участок весь дёрн, образовав посередь леса залысину с понижением. Это так потрясло начинающих дачников-садоводов, что они с тех пор стали именовать то место «Стасова поляна».

Но если Стасова поляна – дело рукотворное, то возникающие в конце лесной части дороги глубокие ямы – вещь мистическая. Их тут множество – тянущиеся почти до деревни «Кузьево» провалы в почве разной, но чаще круглой формы. Поросшие лещиной и заваленные тут и там стволами деревьев ямы эти не способствуют психологическому комфорту грибников, старающихся обходить этот облюбованный кабанями карст. Зато они время от времени будоражат «аномальщиков», пытающихся объяснить конусообразные провалы тёмной работой НЛО.

Впрочем, могут быть и другие версии появления странных ям. Одна из них базируется на том, что в 1941 году, в самый разгар битвы за Москву, в лесах между Коломино и Кузьево дислоцировался специальный разведотряд. Что он тут, за сто километров от фронта делал – неизвестно. Однако известно, что это место бомбил немецкий бомбардировщик. В буреломных местах сохранились две огромных воронки от прямого попадания в цель. В память об этом трагическом событии там сейчас стоит крест с двумя табличками. На одной – список фамилий бойцов, на другой текст: «В этих воронках покоятся останки доблестных разведчиков, выполнявших тяжёлое и ответственное задание Роди-

ны. Вражеская бомба попала в их лагерь. 40 лет мы искали это место. Однополчане.». На вершине креста прикреплена Звезда героя СССР.

Так вот, может быть бомбёжка не ограничивалась теми двумя бомбами, и многочисленные ямы в лесу – также результат авианалёта?

Возможно, самая реальная причина появления ям лежит на поверхности и связана как раз с фарфоровым производством в Коломино. Ну как же. Глину надо было где-то брать? Вероятно, во всяком случае по логике, что для добычи глины в надел сдавались (или изначально предназначались) участки земли, на которых централизованно или в индивидуальном порядке это самое сырьё и добывалось. Отсюда и ямы.

Или всё-таки инопланетяне?

Когда-то ямы уходили в лес от безнадёжного, поросшего хвощом болота. Болото было частью колхозных владений, но пахать-сеять на нём было нельзя. А тут как раз, в середине пятидесятых, подоспело необъяснимо замечательное явление тогдашнего социализма – бесплатная раздача подмосковной земли разным ведомства для блага их сотрудников, чтоб помогали себе грядками с картошкой. Тут-то болото и пригодились. Прорыли канавы, сделали дренаж, поставили водокачку – и вперёд к победе коммунизма.

Время было воистину романтическое. Особенно для тогдашних детей. Вместо одного дома стало два. Дачная жизнь развивалась и росла как отдельная ветка на ещё небольшом

деревце. Дома одни забавы и игрушки – на даче другие. Дома газовая плита, а на даче дровяная чугушка на улице. Дома электрический свет – на даче керосиновая лампа с фитилём. Здорово. И потом сама дорога! Если ехали на выходные, то сначала добирались до Казанского вокзала, а потом садились в поезд с паровозом. Он был чёрный и дымный, этот паровоз. Конечно, его интересно было разглядывать – все эти штуны, огромные чёрные колёса, поршни, пытящую трубу.

Вагоны плацкартные, с полками. Народ почему-то сразу начинал есть, поэтому запах белого хлеба с колбасой едва ли не перебивал запах сгораемого в топке паровоза угля. Кто-то играл в карты, кто-то, не отрываясь, смотрел в давно не мытое окошко, а кто-то просто спал – дорога длинная, 61 километр проезжали за четыре часа, а то и больше. Долго так было не из-за паровоза, а от того, что казанская дорога в ту пору была однокольная, с разъездами, где подолгу ждали дальние поезда или товарняк. Это когда-то казанка была едва ли не такая же передовая как «Николаевская». Один из основателей, Карл Фёдорович фон Мекк, задумывал её как путь в бескрайние просторы российского Востока. Но так случилось, что Запад оказался для государства всё-таки интереснее, и когда по двухколейной ленинградке всю курсировали электрички, казанская дорога сохраняла архаику российского «восточного экспресса».

Ещё интересней был капитальный отъезд на дачу летом. Ну, это вообще! Заказывали «трёхтонку». В неё долго

и основательно грузили всё, что может понадобиться летом в щитовом домике для нормальной жизни – стулья, посуду, одежду, книжки, телевизор и даже зелёную лампу. Сам процесс открывания заднего борта машины, все эти замки, щеколды, возможность лазить в кузов и назад, запах машины, сиденья, ручка, которой в несколько усилий-оборотов заводили непослушный автомобиль, трах-тибидох двигателя – всё это вызывало чувство восторга.

Если отъезд на дачу всегда был нетерпеливо ожидаемым, то возвращение вызывало совсем иные чувства. Это было возвращение в иное пространство. Простота маленького мира с его одноэтажным домиком, редким забором, кузнечиками, бабочками и совсем юными яблоньками за несколько часов в поезде (а возвращались после лета всегда поездом) превращалась, по мере приближения к Москве, в мираж и далёкое воспоминание. После станции «Электрозаводская», если поезд шёл на тринадцатый путь, возникал гремящий ночной тоннель. За ним – высоченные, как тогда казалось, кирпичные дома, а рядом с ними огромные деревья-тополя, тревожно шумящие в своих кронах сырой листвой. К запаху поезда примешивался запах тёплого ветра, приносившего с собой через открытые окна ароматы позднего городского лета.

Но до возвращения ещё далеко – два, а то и три удивительных месяца, каждый из которых запомнится своими приметами. Июнь – множеством бабочек-траурниц, населявших окрестные поляны с молодыми дубовыми кустами и ореш-

ником, бардовой вкуснейшей земляникой на лесных опушках, белой фиалкой-любкой, запах которой поражал своей терпкой роскошью на фоне разноцветных, но почти безароматных полевых цветов, высокой травой с журчащими кузнечикми внутри, бесконечным днём и не жарким солнцем. Июль – слепнями и сеном. Газонокосилок тогда не было, и траву на садовом участке косили обыкновенной косой. А сено, чтоб не сгнило под дождём, затаскивали в дом. Вот комната, и в ней всё как обычно, только у окна – стог сена. Конечно, было интересней валяться не на кровати, а в этом самом стогу, вдыхая сенной аромат и ворочаясь среди покалывающей сухой травы. А слепням мальчишки тоже находили применение. Эту живую игрушку-самолёт было не жалко из-за её потенциальной кусачей злобности; в слепня втыкали спичку, поджигали её, и запускали слепня лететь, куда ему вздумается. Разумеется, о пожаре и сухом сене никто не думал. Да и путь слепня никто не отслеживал – некогда, пора было идти играть в солдатики.

Любопытная игра. Мы буквально смаковали каждого оловянного солдатика, его было интересно потрогать, покрутить, но главное – расставить солдатиков по местам. На это уходило много часов – солдатиков передвигали, соединяли и разъединяли, группировали, меняли «мизансцены». О том, что солдатики в конечном счёте должны были начать воевать, мы вообще не думали. Уже много позже, наблюдая строительство разных партий, администраций, вертикалей

и горизонталей, я понял, что смысл игры в солдатики – в том, чтобы их расставлять. Урок детства.

Ещё один урок я получил в детском шахматном турнире. Тогда, в самом начале шестидесятых, все мужчины и мальчишки играли в шахматы. Шахматы были едва ли не популярней, чем домино. Имена Ботвинника и Таля были столь же популярны, как имена космонавтов. Если родственник приезжал в гости – первым делом садился играть с мальчишкой в шахматы. Отец воспитывал сына за шахматами. Все пацаны на дачах играли в эту игру, и всякий в неё не игравший воспринимался почти как немой. Вот и устроили турнир. Турнир проходил по олимпийской системе, и я в четвертьфинале сошёлся с приятелем Вадиком. На четвёртом ходу Вадик получил «киндер мат». Мне стало стыдно за то, что я его так быстро обыграл, и, пока никто не видел, предложил ему сыграть по новой. И проиграл, навсегда выбыв из этого турнира.

Вообще, все детские соревнования проводились в июле. В библиотеке – по шахматам, шашкам и лото. За забором, на поле, по футболу и волейболу.

А вот в августе – грибы.

Отец не был особым любителем грибных походов, но со мной, шестилеткой, однажды пошёл. Ушли далеко, в какую-то другую лесную страну со старыми дубами, пахучими елями и зелёным ковром под ногами. Впервые огромные белые грибы с раскидистыми коричневыми шляпками

я увидел в папоротниках, возле замшелых зелёных пеньков. Это было очень сильное впечатление. Грибов было много, целая поляна, штук двенадцать. Они росли солидно, красиво, выгрузившись из земли с остатками травы на модельном головном уборе... Пока мы ими любовались, ходили вокруг да около, срывали и клали в ведёрко, пошёл довольно прохладный дождь. Всё сразу промокло, потемнело, и нужно было искать дорогу назад. Мы, конечно, заблудились, но это было так здорово – лесной бурелом, грязь в дорожных колесах, вода стеной, и ни души кругом.

Потом я много раз просил отца пойти со мной за грибами, но он так и не пошёл...

Тёплыми вечерами на даче особенно хорошо. Чай. Клубничное варенье. Из домика, что напротив, через дорогу доносится песня «Я люблю тебя жизнь, что само по себе и не ново...». Это собрались на закате приятно выпить и закусить в компании наши соседи. Глава их семьи – Дуйкин, довольно пожилой уже тогда человек со злобным лицом, в послевоенное время бывший каким-то чином НКВД в Риге и женившийся там на латышке Майге. У них дочь Илзе и внучка Марина. Вот они и пели. А к их голосам присоединилось семейство наших соседей справа: «Я люблю тебя жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала».

Мне, помню, так понравилась тогда эта песня, да и пели хорошо, от души... Поэтому я был сильно удивлён тому, что на общем собрании садоводов, состоявшемся через несколь-

ко дней после памятного мне пения на природе, наши соседи возопили в экстазе: «Как долго мы ещё будем терпеть на наших участках Шейнину и Цвей?!» (одна из этих фамилий была наша). Видимо, они не знали, что авторы их любимой песни – Э. Колмановский и М. Ваншенкин – тоже «Шейнина и Цвей». А тут как раз ещё сюжет. У нас по улицам стал ходить человек, сам из деревни Игнатьево – не надо ли чего сделать, построить там, канаву покосить. Иногда один ходил, а иногда с женой, Броней. Ходили днём, в рабочее время. А тогда в рабочее время не ходили, а работали на предприятии. Вот и спросили человека бдительные садоводы, чего-то он, мол, расхаживает тут в рабочее время? История оказалась простая. Человек этот женился (на Броне) по любви. Так на беду жена оказалась еврейка. Его попёрли с работы, и устроиться никуда в окрестностях он уже не мог.

Кузнечики кузнечиками, а «дело врачей» всего-то пять лет назад как утихло. Вот и ходил неудачник еврейкин муж в поисках мелкой работы.

Уж не знаю, как там дальше было у них. А для нас угроза исключения из садового товарищества возникала на каждом собрании ещё долгие годы. В газете «Садовод», что висела в магазине, то и дело появлялись рисунки, на которых наш домик утопал в траве, а под ним нетвёрдой детской рукой (надо же воспитывать) помещался текст «Как долго мы будем терпеть это безобразие!».

Вообще – и этому нет однозначного объяснения – садово-

ды оказались народом чрезвычайно злобным. Казалось: природа, грядки, клубничка с цветочками. Живи и радуйся. Ан нет! Постоянные походы общественности с ревизией – ага, это сколько у вас тут кустов малины и смородины? Сколько ягод сдали в детсад? Три килограмма? А надо четыре! Это почему у вас травка меж грядок растёт?! А ну, счётчик покажите! А тут что?.. Рябина на участке? Срубить немедленно! А если кто поверх первого этажа ещё и мансарду построил – так это вообще буржуй, частный собственник проклятый, капиталист сволочь. Страсти бушевали нешуточные. Примирение наступало лишь зимой, когда все разъезжались по московским квартирам, а на дачах оставались лишь брошенные кошки, да дикорождённые собаки.

С собаками вообще отдельная история. При въезде на садовые участки, сразу после ворот, смысл которых, казалось, состоял в том, чтобы об их узилище ободрать машину, испокон веку красовалась не то избушка, не то сарай со сторожем во главе. Вот это официальное помещение стало для многих поколений собак чем-то вроде Европы для беженцев: тут и покормят, и обогреют, да и при стороже состоять приятней, чем шляться кот знает где. И что характерно: собак всегда было две – чёрная и белая. Видимо, для равновесия цветов в природе. Сторож же постоянно орал на одну из них простыми доходчивыми словами, мол, и так жрать нечего, шла б ты отсюда! Обычная, можно сказать, житейская ситуация. Однако, тут вспоминается мне анекдот, прав-

да. Не из дачной жизни:

Как-то приходит в черте оседлости очень бедный человек к ребе, чуть не плачет, и просит у него совета: «Что делать? У меня двенадцать детей, жена ждёт тринадцатого, а кушать нечего».

– Совсем нечего?

– Совсем.

– Совсем-совсем?

– Совсем-совсем. Только два петушка – чёрный и белый.

– Так съешь чёрного!

– Белый обидится...

– Так съешь белого!

– Черный обидится...

– Тогда всё-таки съешь чёрного.

– Белый обидится.

– Ну и... с ним!

Вспомнил я эту шутку потому, что в случае с последней чёрно-белой парой собак у сторожки не обошлось без сакрального начала. А дело тут вот в чём. Странные они себя вели, эти собаки. Одна, чёрная, агрессивная, всё время лаяла при конуре, изображая хранительницу неизвестно чего. Другая же, белая, с демонстративным пофигизмом, молча лежала прямо посреди дороги, не обращая ни малейшего внимания на движуху вокруг неё. Но! Стоило зазвонить церковной колокольне за прудом, как она срывалась с места и стремглав бежала в сторону звона. Долго не могли объяснить такое

странное её поведение. Но тут пришел человек из деревни и говорит, мол, это же церковная собака, её перед службой всегда кормят. Как услышит звон, так и бежит, без удивления сказал он. Условный рефлекс, стало быть. По Павлову. А может по собственному её разумению.

Случались у нас собачьи сюжеты и иного толка, романтические и с развитием.

...Она оказалась сукой, хотя дети поначалу звали её, то есть его, то есть её «Хороший». Потом кто-то знающий посмотрел ей под колёса, и с этого времени она стала «Лаймой». Имя «Лайма», данное кем-то из дачных девчонок, видимо было синонимом «Хороший», на латышском языке отразив все лучшие детские чувства, обращённые к собаке.

Несмотря, однако, на многообещающее имя, Лайма была настоящей дворнягой – и по смеси кровей, и по образу существования. Она сразу, как появилась (как и откуда – не знал никто), стала общественной собакой. Её полюбила вся Полевая улица – семьдесят восемь домов. За что – поначалу было непонятно. Наверно, за харизму. Она была похожа на овчарку, немного на волка, но больше всего – на человека, прежде всего благодаря умным, нет, очень умным глазам, карим и с поволокой. Живой укор теории Дарвина. Достаточно Дарвину было увидеть Лайму, чтоб он понял, от кого произошёл человек.

Любовь с первого взгляда бывает. Об этом писали, да и припомнить кое-что можно. Но полное понимание друг

друга с первого взгляда – совсем другое. В отличие от любви – это не болезнь, не следствие действия амфитаминов и тостестерона. Это знак истины. Кто знает, может, они были близкими родственниками в другой жизни. Никто так с неизъяснимым пониманием и печалью не смотрел на меня, никто не молчал так рядом и никто не радовался так моему приходу, как она. Разве что сын, когда ему было лет шесть.

Целый день Лайма была неизвестно где. Но ближе к вечеру, побегав с детьми, с грязными от канавной воды лапами она обязательно приходила ко мне на крыльцо, и мы сидели вместе. Все знали – это *моя* собака. Общественная, но моя. Так бывает.

Однажды я пошутил. В полнолуние, глядя на Луну, ба-луясь, по-волчьи завыл где-то в первой октаве: У-у-у-у-у... Лайма восприняла это со всем сочувствием, и, глядя вверх, точно по курсу земного спутника, завыла вместе со мной очень серьёзно, долго, безысходно и истово. Так продолжалось неизвестно сколько времени – мы оба поверили в своё вытьё, превратившееся в искреннюю медитацию.

Очнувшись, я вновь посмотрел на неё. Тайна, которая всегда манила человека к непознанному, материализовалась в её шерсти. Такую причёску не сделал бы ни один собачий парикмахер – её создала Луна.

Что-то должно было случиться. Оба ждали минуты две, молча, как в детской игре «Замри». Впрочем, я совсем не хотел лицезреть фокусы в манере Царевны-лягушки – это бы-

ло бы банально. Лайма поняла, ни в кого превращаться не стала и разрешила ожидание по-собачьи естественно – ушла с крыльца и скрылась на Полевой.

Мы вместе ходили за грибами. Собственно, за грибами ходил я, а Лайма ходила со мной. Ибо что такое для собаки грибы? Ничего, как для всех нормальных животных. Грибы интересуют только человека, да ещё ёжика и мышей. Поэтому пока я радовался эксклюзиву белого гриба, которого до меня никто не видел и после меня не увидит, собака нюхала землю, бегала по траве и барахталась в лужах. Мы не уставали делать каждый своё часов по пять-шесть, всё время оставаясь вместе.

Однажды в августе пошли за деревню Коломино – там бывает много красноголовиков. День был жаркий, трава высокая, корзина тяжёлая. К тому же чуть ли ни в каждом кусте орешника пряталось осиное гнездо. А я хорошо помнил, как в предыдущий год, за тем же Коломино, нагнувшись, чтобы срезать подберёзовик, сбил головой осиный дом на подвесе. Спасло лишь то, что инстинктивно, как с тумбочки в бассейне, я нырнул плашмя в траву. Покусанный всё же очень сильно, лежал потом на лесной дорожке в полусознании часа полтора... В общем, решил возвращаться не по лесу, а понятней – через деревню.

Ошибку понял внезапно, но поздно.

Кто знаком с искусством Гжели знает, что одним из самых распространённых мотивов гжельской фарфоровой скульп-

туры является петушок – он и в игрушках, и как украшение на всевозможных чашках, кувшинах, безделушках, и как часть фигурных композиций. А родиной этого петушка как раз и является деревня Коломино. С какой бы стороны не подойти к этой деревне, по какой бы дорожке не пройти – везде эти самые петушки, один в один похожие на тех, что в бело-голубом фарфоре.

...Видать, я загляделся на красавцев в корзине, и Лайма увидела, нет, почуяла петушков раньше...

Ничего сделать было уже нельзя. Коня на скоку остановить можно, а Лайму, врождённого дикого зверя и охотника, о чём я совсем забыл, воя на Луну, – нет. Страшная картина довершилась монологом пожилой женщины в платке. Прислонившись к забору и покорно опустив руки – если бы Микельанджело был русским, он ваял бы пиету именно с этой женщины – она скорбно, просто и очень тихо сказала:

– Петушка—то как жалко...

Перебив с полдеревни петухов, Лайма словно фурия исчезла в окружавшем деревню поле. Экстаз её был столь велик, что она не отзывалась ни на имя своё, ни на свист и окрик. В общем, исчезла.

Пришлось идти домой одному. Лайма не показывалась всю дорогу, но когда я входил к себе в калитку – уже спокойно сидела на крыльце. Морда в курином пухе, глаза умные, сытые и очень спокойные.

Редкий случай – Лайма не была эгоисткой. Обычно со-

баки при всей любви к хозяину всё же очень рефлексируют на еду. Их надо не просто кормить, но поощрять кормом. Удивительное дело – Лайма всегда ела у меня словно нехотя. Наоборот, искала случай, чтобы самой что-нибудь мне принести. Как-то по весне, в начале апреля, когда на дороге ещё лежал снег, я, открывая сезон, стал кликать Лайму, чтобы покормить собаку косточками её любимой курятины. Лайма возникла внезапно, чёрная, мощная и стремительная. В зубах у неё был большущий заяц, которого она радостно бросила к моим ногам – на, ешь!

Благородство и преданность Лаймы стали невольной причиной трагического эпизода с её участием. Как она, свободная собака, могла доказать свою свободную любовь к избранному ей дачнику? Бездумным тьявканьем и верчением хвоста? Нет, только делом самостоятельной личности, коим для неё был бескорыстный дар добычи. А было так. Гуляли, как всегда, возле грибов на берёзовой полянке вблизи дачных участков. На беду там же отдыхала пожилая женщина с маленькой собачонкой. Придерживая одной рукой собачонку у груди, другой она собирала колокольчики.

Лайма идиллии не поняла. В мгновение она повалила женщину на землю, вырвала собачку и полуживую аккуратно положила около меня. Это был поступок. Жестокий и не вписывающийся ни в какие рамки дачной жизни. Но для собаки, не ведающей о человеческих взаимоотношениях, это был поступок действенной преданности.

Что я должен был сказать ей?.. Я промолчал, но, видимо, так выразительно, что Лайма больше никогда не появлялась на моём крыльце.

Говорят, следующей зимой её убили жировские мужики после того как она задрала местную козу.

Жирово, Володино, Игнатьево – три сросшихся деревни, скопившиеся возле церкви Георгия Победоносца, недалеко от нашего СТ. Во времена первичного садового строительства многие будущие хозяева садовых участков, летом, с семьями, снимали там кто пол, кто четверть дома, чтоб жить неподалёку от будущего сада. Не были исключением и мои соседи слева Их сын, Мишка Закомолдин, одногодка, был моим приятелем. Да все мы были приятели, до истории с «делом садоводов, Шейниной и Цвей». Мишкин отец был человеком буйного нрава и, как настоящий садовод, не чурался военной хитрости. Забрасывая наш участок шариками хлеба с мышьяком, он таким образом надеялся остановить мышей-полёвок на дальних подступах к своим владениям. Ну, уж а если кто на дороге, поблизости от его владений, жёг костёр, он выбегал с ружьём или топором, что под руку попадалось, с явным намерением наказать потенциального врага. Однако ж этот большевик обладал некоторыми творческими способностями. Во время работы в саду он постоянно пел русские революционные песни типа «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд» или «Слушай, товарищ,

война началась». К тому же он был художник. Даже выстроил в сторону нашего дома что-то вроде мансарды, значение которой поначалу было непонятно. Только когда мы увидели в той самой стенгазете «Садовод» рисунок, озаглавленный «Чей это дом?», стало понятно, что мансарда – это художественная мастерская товарища Закомолдина, «интернационалиста» и борца с нерадивыми садоводами.

Мишка же, сын его, хоть и был по знаку скорпион, воспитывался под мощным прессом отца. А отец его не признавал не только цивилизацию шестидесятых, но и, позже, семидесятых, восьмидесятых и чуть дальше. В силу чего образом жизни был бережливый скупердяй, постоянно готовый к ядерной атаке пришельцев (с Запада или из космоса – один хрен). И Мишка вынужден был расти в этом контексте. Образ чеховского Беликова – ничто в сравнении с выросшим Мишкой. Всегда в телогрейке, всегда в некоем подобии галош, шаркающих от великоразмерья, в мятой шапке, будто отобранной у пленных немцев под Москвой, с древним велосипедом типа «Украина» и сшитой суровой ниткой брезентовой сумкой-калитой под рамой – этот, закончивший для блага сада курсы агронома таможенник, стал укором всему внешнему миру, который так на него не похож. Впрочем, как и отец, он не прочь прислониться к песне. Правда, никогда не пел, но зато любил слушать по приёмнику, который собрал ещё в школе, бардов – Фрейдкина, Круга и других. Слова, говорит, у них интересные. В душе не злобный, любит

вообще поболтать (когда жены нет) и особо сходить на рыбалку. Вот тут мы сошлись. Сам бы я может и не ходил – не потому, что не люблю, а от того, что разматывать зацепившуюся леску для меня наказание. А Мишка наоборот. Он человек основательный, терпеливый и может размотать хоть кокон шелкопряда. Вот и ловим – бычков да карася. Карпа реже. Чёрт его знает, почему он у нас не клюёт!

А ещё Мишка мастер-электрик. К чему я это говорю?

Тут приключилась лет пятнадцать назад история. За задним забором у всех нас, кто живёт на «Полевой» было, соответственно, поле. А на поле кочки, оставшиеся от старого болота. А на кочках – желтоголовые подосиновики, росшие буквально кустами. Плюс какие-то фантастические травы, которых я нигде не встречал ни до, ни после. В общем, природа интересная. Однако землю продали под новое строительство садовых участков. Ну, мы все написали письмо в редакцию одного журнала – так, мол, и так. Журнал поступил мудро. Он публично пристыдил тех, кто собирался строить на этом уникальном поле, изгнал их оттуда и построил там садовые участки сам. Как по нотам. В общем, на месте поля появились новые соседи. А сзади нас с Мишкой аккурат «хари-хари», кришнаиты то есть. И вот что придумали. Каждую субботу и воскресенье часами стали играть на барабанах. Ну, я-то, вспоминая своих соседей по московской квартире, тех, что выехали из-за моего рояля, отнёсся к кришнаитским барабанам лояльно. А Мишка нет. И ведь что придумал! Уста-

новил на своём заднем сарае ведро, широким концом в сторону кришнаитов, а в ведро поместил небольшую такую схему, суть которой состояла в том, что как только кришнаиты начинали играть на барабанах, возникал звук типа негромкой сирены. Звук всякий раз продолжался до момента, когда от соседей раздавался возглас: «Нет, я так больше не могу!» и барабанный бой заканчивался. Кстати, ведро это стоит на страже мишкиного спокойствия до сих пор. В назидание кришнаитам.

Как-то Мишка от чувств-с, видать в связи с удачным уловом, позвал меня – редчайший случай – к себе в дачный его дом пить водку. Так здорово же. Собрались. Взяли пару бутылок «Флагмана», собственных малосольных огурчиков, паштету там, колбаски, бычка в томате – ну, как обычно. Тут я говорю: вот, мол, «Флагман» пьём, к нему бы бескозырку.

– А тебе надо?

– Надо.

И тут, буквально как по волшебству, Мишка достаёт незнамо откуда две бескозырки, чёрные и с лентами.

Так и сфотографировались на автоспуске.

Чудеса на том не закончились. Осмелев от того, что Мишка меня пригласил и под воздействием заканчивающейся второй, я спросил:

– А вот я ещё в детстве слышал, что у тебя тут пианино хранится. Покажешь?

– Тебе – покажу, – сказал осмелевший до крайности Миш-

ка.

Покачиваясь, он повёл меня в соседнее помещение, которое можно было бы назвать комнатой только при очень богатом воображении. Делая руками как в бассейне брассом, он стал разгребать старые тряпки, железки, замки, шанцевый инструмент, фанеру, сгнившие тыквы, лески с крючками и грузилами и всё, что не вошло в рассказ о Плюшкине в «Мёртвых душах». После изрядных трудов показалась коричневая крышка, потом клавиши, потом узорные ножки.

Постепенно передо мной возник антикварный тафельный рояль «Tresselt»... Единственное, что я смог произнести, онемев от изумления и водки, ибо можно было ожидать увидеть что угодно и где угодно, только не это чудо эпохи классицизма *вот здесь*, были слова: «А где, блин, педаль»?

– Да там, где-то, в сарае валяется...

Если нет печки, то в конце октября на даче делать уже нечего. Приходится закрываться. Жалко только бесхозных котов. Оставленного «Viscas» на всю зиму не хватит.

Ёлка

Случай у источника

Любая дорога в солнечный нежаркий день прекрасна. Даже Егорьевское шоссе, эта идущая от Люберец несуразная двухколейка с истерзанным асфальтом, постоянными пробками и гаишниками в засаде. Говорят, вот, молодцы немцы: построили автобаны вдали от населённых пунктов. А что там водитель видит кроме идеальной дороги и стриженных, травка к травке, полей? Да ничего. Наше же шоссе – праздник, ярмарка, вернисаж, ВДНХ (выставка достижений народного хозяйства), музей под открытым небом. Вот та же Егорьевка. Чего только нет на её берегах – знаменитые места: Малаховка с воспоминаниями о Шагале и деревянным театром, где пел Шаляпин, Томилино со своей птицефабрикой, Кратово с некогда аристократическими дачами. Хоть путеводитель пиши прямо за рулём. Летом шоссе встречает в этих местах квасом и мебелью, осенью – арбузами и фонарями на солнечных батарееках. Интересно везде, но особенно оживлённым шоссе становится где-то у тридцать восьмого километра. Там, за указателем «Гжель», начинается царство местного фарфора. Некогда единый гжельский «холдинг» со временем разбился на великое множество самостоятельных фарфоропекарен, и каждая норовит отвоевать

свои метры вдоль дороги – для продажи всего, что только можно изготовить из теперь уже привозной глины, обожжённой в печи. Разноцветные «античные» вазы-подсвечники, расписанные синим кобальтом кумганы, самовары, кубки, зверушки, цветочные горшки, предметы посуды, изготовленные по сюжетам русских сказок. Бело-голубое море сувениров и «цацок» самого разного назначения, на островах которого живут жёлто-красно-зелёные столы-стулья, тазы и ванночки мягкого пластика, неизвестно из чего произведённые садовые скульптуры в виде неживых грибочков, аистов, лягушек и зайцев, деревянные и плетёные кресла-качалки, кровати, фургоны с удочками-крючками-болотными сапогами, медные самовары, граммофоны, телеги и прочая стилизация, Всё это сопровождается морем срезанных цветов на продажу, редиской, зеленью, огурцами, свежими и малосольными, кабачками, картошкой, закрученными банками с перцем и помидорами, разной садовой ягодой и яблоками. Бывает, так и хочется, чтоб под всё это разнообразие появился тут кабан на верёвке, да сплясал что-нибудь такое, под попсу. Но у кабана другая задача – выгапывать грибницы в лесу. На шоссе ему места нет. Зато картину дополняют вегетативно размножившиеся съестные и строительные магазины с полным набором товаров на все случаи подмосковной дачи да цветочные рынки, где круглый год можно купить рассаду – хоть сосны с ёлкой, хоть клубники с ромашками.

Особый колорит Егорьевке придают, конечно, церковные

храмы. Вот на шоссе у деревни Ново-Харитоново приметная бело-голубая шатровая старообрядческая церковь Георгия Победоносца, принадлежавшая когда-то старообрядцам Белокриницкого согласия (Белокриничники – это исповедание такое). Построена она была, сразу в кирпиче, в 1912 году, говорят, к столетию победы над Наполеоном. Сначала там вела службу Неокружническая община, потом, в 1929 году в церкви, понятное дело, разместили склад, и только в 1990-м отремонтировали и отдали общине Древлеправославной церкви (новозыбковцам). Получилось, между тем, что в том районе оказалось сразу два Георгия-Победоносца. На холме, за озером, образованном плотиной на реке Дорке, в деревне Игнатьево, вплотную граничащей с Ново-Харитоново, возвышается выполненная в псевдорусском архитектурном стиле краснокаменная пятиглавая церковь с трапезной и шатровой колокольней. Эта церковь, принадлежащая РПЦ, тоже посвящена Георгию Победоносцу. Она старше, строилась в 1863—1877 годах, и что характерно, при советской власти не закрывалась. Ясное дело, жители того района, равно как и проезжающие там по шоссе, находятся под двойной опекой воителя со Змием. Одни могут представить его бело-голубым, другие – красным. Кому что ближе политически.

А за Ново-Харитоново, километрах буквально в двух, в самом начале деревни Карпово – ещё один каменный красавец – четырёхстолпный собор, увенчанный декоративным пятиглавием с многоярусной колокольней. Церковь Покро-

ва Богородицы была выстроена в 1864—1870 годах на средства купца заводчика Глазкова из деревни Минино. Появилась она там не случайно. Сама деревня Карпово имеет небезинтересную историю. Ещё в 1440 году её основал князь Карп Фёдорович Фоминский. В документах XVII века оно именуется как «Карповское, Большовское тож». В 1646 году некий купец, не имевший потомства, пожертвовал средства на строительство деревянного храма в честь Богородицы. Во время строительства его супруга родила ему четырёх наследников. Так за церковь закрепилось её нынешнее название. Во второй половине позапрошлого века она обрела воплощение в камне. Правда, в 1940 году была закрыта (опять склад), и начала восстанавливаться только полвека спустя.

За Карпово – словно раздел цивилизаций. Куда-то подевались крупные торговые точки, нет того оживления, что творилось возле Гжели. Даже машин становится меньше – скорость растворяет их в пространстве безмагазинья. И, наконец, можно спокойно полюбоваться русскими деревнями, что по краям шоссе – Ариново и Антоново.

Основа архитектуры любой деревни – изба. Кто их замечал, эти избы, ещё лет десять-пятнадцать назад? Изба себе и изба. Но вот избы стали стремительно исчезать. На смену им явились стандартные постройки, призванные продемонстрировать всё возрастающий материальный уровень граждан Российской Федерации. Стиль, традиция, художествен-

ный вкус – это всё «не то». «То» – это показать, кто главнее. К примеру, если у меня «движок» 3,2, а у тебя 1,5, то я тебя обгоню, «подрежу», да ещё заторможу перед носом. Чего я, зря бабло зарабатывал непосильным трудом?! А в хоромы мои заходи – налью, в баньку пойдём, бухнём, побыкуем...

Дворцы новых нуворишей среди деревенских изб смотрелись вначале (в начале 90-х) как протез. Но уже вскоре избы стали восприниматься как музейные постройки среди нагромождения архитектурной ярмарки деревенского тщеславия. И вот тут-то кое-кто и обратил внимание на простую гениальность самой массовой русской архитектуры. Неповторимые изразцы, наличники с резьбой, мезонины, стилизованные под древнерусский шлем, характерные окошки, сама форма избы, наконец, экологичность и удобство строения. «Ба, да это же скоро уйдёт навсегда!», сказал этот кое-кто, и вот тут и там стали появляться гибриды – новый кирпичный дом с оставленным фрагментом старой избы.

В Аринино, Антоново, Соболево, Кузязево, Коняшино, гибридов пока не много, и можно совершенно спокойно запечатлеть в памяти и на фотоаппарате уходящую натуру. Конечно, избы как функциональные строения скоро прекратят своё существование, поскольку являются отражением совсем иного, нежели сегодня, способа мышления, иных пропорций красоты и пользы. Но если они всё ещё есть – может, есть ещё и другая Россия, про которую мы знаем много меньше, чем про чьи-то дачи в Майями?

Между прочим, часть «другой России – это потрясающие тыквы, выставленные у дороги вдоль Аринино и Антоново. Клянусь, таких нет нигде. Огромного размера, цветом от бледно-жёлто-розового до ярко красного (у тыкв своя радуга), эти супер овощи лежат горками напротив каждой избы, поражая изобилием форм, улыбчивостью и спокойным добродушием. Не купить их – значит оскорбить саму природу...

Ну ладно. Я, вообще, не про это. А про то, как, забрав из дома все возможные канистры, отправился по Егорьевке за деревню Анциферово, что недалеко от города Куровская, на источник. Там, после стоянки трейлеров, где часто продают садовую мебель и почему-то вяленую рыбу, поворот есть, как проедешь по шоссе над притоком Нерской – сразу налево, в еловый лес. Разгоняться не надо – метров четыреста – пятьсот всего. Сам источник находится в низине, к нему надо чуть спуститься. Над источником – козырёк теремком, иконка конечно. Источник имеет статус святого, а потому рядом, выше, откуда надо спускаться, стоит деревянная часовенка и, конечно, лоток, с которого девушки, повязанные платком, продают образа, просвиры, религиозные книжицы. Обстановка тихая, благоговейная, иногда дятел слышен, иногда белка пробежит. Опять же грибы, запах сырой хвои, журчание ручья, берущего начало от источника в земной породе. В пространстве возле источника стоит не то чтобы эхо, а какой-то резонанс, подчёркивающий спо-

койствие старых елей, первоначальную тишину и баланс звуков трёх стихий – воды, воздуха и леса. Идеальное место для рождения реки.

Вода в источнике хорошая, с микрочастицами серебра. Оттого и не портится. Про воду эту вкусную знает уже много народу, а потому туда, как ни приедешь, всегда очередь. Очередь разноцветная, измеряется человеко-канистрами; каждый окружён голубыми, белыми, ржаво-пластмассовыми и пластико-чёрными резервуарами для воды, словно гусеницы в коконе.. Люди стоят по отвесной, сверху вниз, прямой в колонну по одному, беседуют о своём, но, в основном, почти без нетерпения смотрят, как наливает очередной дошедший до воды свои многочисленные резервуары. Кажущаяся не сильной и медлительной струя выдаёт 30 литров воды за 45 секунд. Это 2400 литров в час, 57600 в сутки и двадцать один миллион двадцать четыре тысячи литров святой воды в год! Куда она потом?

Возле истока, на одной из скамеек сидит пожилой человек и гремит банкой с мелочью. Дед этот иногда говорит, что ухаживает за источником и не будет большого греха дать ему за это несколько монет. В общем, органичная часть пейзажа.

Да, тут вот ещё что. Чуть в стороне от часовни, в глубине стояла внушительных размеров столетняя ель, и, что примечательно, вся она была увешана разноцветными ленточками. Откуда оне? Такое я видел раньше в буддистских странах, правда, не на ели, а на местных деревьях, бодхи, например.

Там они символизировали какую-либо сокровенную просьбу Будде об исполнении желаний. Но мало ли что я видел в Индии, Малайзии или Бирме? Колокольчик дильбу, например. С этой звучащей ступкой (ступа – погребальное сооружение над какой-либо реликвией). Буддистские монахи, придав изначальный звук колокольчику с помощью подвешенного внутри «язычка», водили по его внешней окружности палочкой из шлифованного кедра-диадара, достигая таким образом непрерывного бесконечного звука и ходили так после пуджи (молитвы то есть) против часовой стрелки вокруг своего храма. Каким-то образом дильбу в других странах потерял свой изначальный буддистский смысл, превратившись в колокол, в свою очередь совершивший головокружительную карьеру в христианских странах. А ленты – ленты вяжут во многих, обязательно заметных местах. В храмах горной Армении, например, в Румынских церквах, возле Греческих памятников православия... Жива эта традиция и на Руси. Двоюродный брат рассказывал, что видел дерево с лентами, притом с завёрнутыми в них деньгами на одном из островов нижнего притока Оби реке Ине. Вспомнилось, что ленточки наблюдал и я – у коломенских храмов в Москве, да ещё на Енисее, возле Овсянки, родины Виктора Астафьева. Там ленты были повязаны на берёзе, что склонилась над великой сибирской рекой. А рядом, на ограде смотровой площадки висели весёленькие замкнутые замочки. Так вот оно что – это ж свадьбешное дело! Ёлка, значит, была при свадьбах.

Но где ж они, свадьбы?

Тут до меня дошло, что я никогда раньше не ездил за водой в субботу, а именно суббота в России издревле свадебный день. Потому что не рабочий

А было как раз утро субботы, часов десять. К моменту, как солнце вышло из глубины леса на простор неба, тишина вокруг святого источника мгновенно разрушилась. Раздались длинные, переходящие один в другой разноголосые гудки, визг тормозов с нехорошим призвуком удара бампера о бампер, шумная возбуждённая речь, буйные возгласы парней и всё ещё девичий смех. Машины всех иномарок с кольцами на крыше, лентами, языческими куклами и цветами, заполнили всё пространство, окружающее ручей. Из них, как из инкубатора, стали высыпать пары жених-невеста в сопровождении свидетелей с красными шёлковыми лентами попереж пиджаков с люрексом. Парам не было числа. Я, было, взялся считать, да сбился, устал. Много, почти столько же, сколько канистр у источника. Не иначе как в ЗАГСе Куровской оборудован специальный конвейер по производству семей, а то как понять, откуда это рано утром в лес нагрянуло столько отбрачевавшихся?

Зрелище вообще шикарное, особенно в части нарядов невест. Фантастически пушистые снегурочки свадебные платья всех фасонов и форм с рюшками, кренделями и всем тем, что не понятно мужчинам, но чему позавидовал бы страус эму. На каждой невесте фата – мечта рембрантовской Фло-

ры, белые перчатки до локтей, шлейфы, декольте – ух!

Выйдя из машин, народ сразу стал наливать, а наливши – выпивать. А выпивши – кричать «ГОРЬКО», да так, что в глубине леса белки попадали вместе с шишками. Целовались молодые взаправду, от души, не стесняясь, под молодецкий, слегка приклатнённый хор «Раз!», «Два!!», «Три!!!», «Четыре!!!!», «Пять!!!!!!»... «Тридцать девять!!!!!!!!!!!!!!»... Когда же некоторые пары решили кое-что оставить на первую брачную ночь, началось движение к источнику.

А надо сказать, что жизнь у источника всё это время шла своим чередом. Очередь, несмотря на то, что весь этот радостный фейерверк проходил вплотную к ней, не обращала на свадьбы никакого внимания, да и свадьбы обходили её словно бревно, лишь изредка сгоняя уставших стояльцев с ближайших скамеек для производства памятных фотографий на фоне леса.

Молодцы сбегали к природному кранику по-быстрому набрать святой водицы – кто в пластиковый стакан, кто в бутылку, а кто и так, лицо помыть. Невесты же с женихами мимо источника через ручеёк отправлялись погулять в лесок, так, недалеко. Однако, чтоб спуститься к воде надо было пройти по грязному. Потому шли парами, аккуратно, под ручку, и можно было разглядеть, как, всё-таки, молодые подходят друг к другу. Воистину, Бог не пару не сведёт! Поленькие к тоненьким, бледнолицые к румяным, скромные

к властным, тупенькие к умным. Да и подружки с друзьями под стать. Друзья подбадривали жениха, а подружки всячески доказывали невестам свою преданность, задирая им сзади платья, чтоб не испачкались. Правда, тут иногда возникал казус: некоторые невесты, стремясь быть стройнее, не одевали под свадебное платье ничего совсем, и когда услужливые подружки из самых добрых чувств это платье приподнимали...

С приходом свадеб в воздух, ранее полный лишь звуками утренней лесной природы добавился густой шумный мат. Нет, сами невесты не матерились, да и женихи временно держались в рамках. Усердствовали их друзья, выражая, таким образом, радость от переизбытка добрых чувств. Матерный саунд этот абсолютно никого не смущал, никто не осекал удалых парней, всё было в рамках устоявшихся правил. Я смотрел – при публичном упоминании всех способов полового сношения ни один нерв не дёргался на хороших лицах молодых, прошедших обряд брачевания. Из чего стало понятно, что матерная речь – неотъемлемая часть этого обряда, естественного, свободного и не ограждённого художественной литературой. В общем, что у молодых на уме, то у друзей на языке!

А свадебное шоу продолжилось у той самой ёлки. Друг жениха, он же, видат, и свидетель, должен был залезть на ёлку и привязать там ленточку. Да не просто привязать, а сделать это как можно выше предыдущего. И вот началось...

В лакированных ботиночках, в пиджачке с галстучком, без лонжи, показывая истинные чудеса древолазания, парень залезал хрен знает на какую высоту и на вытянутых руках завязывал ленту почти в поднебесье. «Ах ты.....», говорил следующий и бросался на ель как на амбразуру. Вспомнив теорию Дарвина, он забирался ещё выше. А тот свидетель, что был легче всех, вообще как на батуте взлетел на хвойное дерево и под дружно-одобрительные междометливые крики завис высоко-высоко на тонкой ветке, предназначенной разве что для некрупной птицы.

Тут, однако, случилось что-то невообразимое. Всегда бывает капля, которая переполняет чашу. В это лето была страшная засуха. Потом пролились дожди, и сухая земля под корнями деревьев подверглась вымыванию. Из-за того много высоких деревьев повалилось, вытаращив подземные корневища наружу. Но вот что удивительно. Обычно деревья падали в тайне, не на виду. А здесь... Когда лёгкий свидетель с ленточкой висел чуть ли не на макушке ели, она вдруг издала какой-то утробный звук, начав медленно, а затем всё быстрее и быстрее крениться вниз. Из-под земли показались ободранные корни – зловещий признак скорого падения. Хруст и треск нарастал. Поняв, что дело плохо, парень, что наверху, видать даже не по разуму, а из инстинкта самосохранения резко спрыгну вперёд и куда-то вбок, завалился в траву и покатился прочь от ленточного дерева.

Медленно, но неумолимо, вместе с ленточками ель с ле-

сопывальным шумом ухнулась-таки на землю, к счастью никого не придавив и пожалев источник с часовней.

Молча, объединившись, очередь и свадьбы смотрели на результат случившегося с минуту-две. Но шок довольно быстро прошёл, и каждый вернулся к своему: очередь к воде, а свадьбы к машинам.

...Всё-таки канистры по тридцать литров – это не очень удобно, особенно если нести их «за уши» вверх хоть и по небольшому склону. Потом ещё в багажник ставить, а там грибы, помяться могут. Уж лучше в пятилитровых – хоть их больше, но зато удобней и за спину спокойней.

Через месяц я опять приехал на источник за водой, и увидел ленточки – на деревце поменьше. Жизнь пошла своим чередом, и свадьбы, видать, опять приезжали. Как и раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.